

*Крыштон Людмила Эдуардовна, аспирантка кафедры истории
зарубежной философии философского факультета Российского
государственного гуманитарного университета (РГГУ).*

Москва, ул. Кировоградская 25. Индекс 117534

Мораль и право: две стороны одного постулата

Постулаты играют важную роль не только в практической, но и в теоретической философии Канта. Постулируемых положений у Канта не так уж и мало. Они встречаются во всех сферах его философии и выполняют важные функции, являясь, фактически, опорными точками всей философской системы. Однако наибольшей известностью по праву пользуются постулаты чистого практического разума (постулаты свободы, бессмертия души и бытия Бога). При этом большее внимание уделяется обычно постулату свободы. Сам Кант особо выделяет именно этот постулат, считая его основным. Но это связано не столько с особой значимостью постулата свободы, сколько с характером его связи с моральным законом. Идея свободы главенствует над двумя другими, так как «ее существование содержится в категорическом императиве, не оставляя места для сомнения»¹. Другими словами, связь постулата свободы и категорического императива непосредственна, они взаимно обуславливают друг друга, тогда как два других постулата, хотя являются также тесно связанными с моральным законом, опосредованы идеей высшего блага².

¹ *Kant I. Verkündigung des nahen Abschlusses eines Traktats zum ewigen Frieden in der Philosophie. A 497; T. 8. Стр. 252. Печатные произведения Канта будут цитироваться по изданию Вильгельма Вайшеделя: Kant I. Werke in sechs Bänden. Darmstadt, 1998; по приведенной там пагинации: «А» соответствует первому изданию, а «В» – второму. Лекции будут цитироваться по изданию Прусской академии наук (АА). Русский перевод «Критики чистого разума» будет цитироваться по изданию: Кант И. Критика чистого разума. М., 1994 (КЧР). Иные русские переводы будут даваться с указанием на соответствующий том издания: Кант И. Собр. соч.: В 8-ми т. / Под ред. А. В. Гулыги. М., 1994.*

² Этот факт, тем не менее, вовсе не является достаточным основанием для утверждения того, что, по сути, в философии Канта есть только один постулат – постулат свободы (см.: Дробницкий О. Г. Этическая концепция Иммануила Канта // Моральная философия. Избр. труды. М., 2002. Стр. 437; Willaschek M. Rationale Postulate. Über Kants These vom Primat der reinen praktischen Vernunft // Kant und die Zukunft der europäischen Aufklärung / Hrsg. von H. F. Klemme. Berlin, 2009. S. 265).

Столь подробный анализ вышеуказанных трех постулатов нередко сочетается с тем, что напрочь забывают о существовании постулатов не только в сфере чистого практического разума, но и в сфере учения о праве, основным из которых является всеобщий принцип права: «*Прав* любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом»³. Само же право определяется Кантом, как «совокупность условий, при которых произволение одного [лица] совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы»⁴. В обоих этих постулатах речь идет о свободе, но, на первый взгляд, может показаться, что между ними не так много общего. Однако по сути, это один и тот же постулат, лишь в несколько видоизмененной формулировке.

Все в мире может быть рассмотрено как средство к некоторой цели. И только человек, являясь венцом творения, представляет собой цель саму по себе и никогда только средство. И это возможно только в силу того, что человек обладает свободой, своей собственной волей⁵. Но это означает, что воление другого должно быть для меня столь же ценным, как и мое собственное. Следовательно, мир, рассматриваемый как система целей, должен представлять собой согласование волей. И только таким образом, путем самоограничения в согласовании с волей другого, свобода и может быть ограничена. В противном случае, при внешнем принудительном ограничении, уже не приходилось бы говорить о свободе. Но по той же самой причине, ради сохранения человеческой свободы, свобода и должна быть ограничена. Ведь если бы все были свободны без закона и делали друг с другом все, что хотели, это значило бы, что никто не свободен⁶. Таким образом, мы видим, что всеобщий принцип права непосредственно связан с

³ *Kant I. Die Metaphysik der Sitten (MS), Rechtslehre (RL). BA 33; T. 6. Стр. 254.*

⁴ *MS, RL. BA 33; T. 6. Стр. 253. Сп.: Naturrecht Feyerabend (V-NR/Feyerabend) // AA. Bd. XXVII. S. 1320.*

⁵ *См.: V-NR/Feyerabend. S. 1322.*

⁶ *См.: V-NR/Feyerabend. S. 1320.*

категорическим императивом⁷. А постулат свободы оказывается пограничной точкой между системой нравственности и права. Но вместе с тем и точкой соприкосновения, точкой перехода одного в другое, а точнее точкой дедукции системы права из морального закона.

Но зачем Канту понадобилась эта дедукция? Почему нельзя было остановиться на построении системы нравственности и констатировать несовпадение морального и легального? Зачем потребовалось еще и столь детальное построение системы права и подчеркнуто непосредственное дедуцирование его из принципа свободы?

На наш взгляд, проще всего дать ответ на этот вопрос, обратившись к позднему трактату Канта «Религия в пределах только разума». Человек по природе своей зол. Его обуревают множество порочных склонностей и инстинктов, роднящих его с животным миром. Конечно, в человеке есть и зачатки добра, которые он может и должен развивать в постоянной борьбе со злым началом своей природы. Ориентиром в этой непрестанной работе самосовершенствования и должен служить категорический императив. При этом, человек моральный (т. е. уже достигший определенного уровня самосовершенства) будет подчиняться моральному закону, исходя только лишь из уважения к нему. Это подчинение вовсе не будет простым. Оно связано с ограничением себя, своих склонностей, с самопреодолением. Но в этом и заключается добродетель⁸. И здесь возникает образ морального мира⁹ или царства Божия¹⁰ – такой общности людей, где верховным принципом является культивирование доброго начала в человеке, т.е. нравственное совершенствование. Безусловно, такой мир является лишь идеей, к которой нужно стремиться¹¹.

⁷ Вариант возможного непосредственного вывода всеобщего принципа права из категорического императива приводит Э. Ю. Соловьев (см.: *Соловьев Э. Ю.* Категорический императив нравственности и права. М., 2005. Стр. 146-147).

⁸ См.: *Religionslehre Poelitz // AA. Bd. XXVIII. S. 1075; Religionsphilosophie Volckmann // AA. Bd. XXVIII. S. 1185.*

⁹ См.: *Kant I. Kritik der reinen Vernunft (KrV). B 836/ A 808; КЧР. Стр. 473.*

¹⁰ См.: *Kant I. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft (RGV). B 129-130/ A 121-122; Т. 6. Стр. 97-99.*

¹¹ См.: *KrV. B 836/ A 808; КЧР. Стр. 473.*

В действительности же далеко не все люди способны вести себя морально, т.е. руководствоваться в своих действиях моральным законом. Человек же, лишенный закона, гораздо страшнее дикого зверя¹². Отсюда и возникает необходимость создания системы права, ограничивающей волю человека внешними законами. Но есть только один закон, не противоречащий свободе человека – это закон свободы или моральный закон. Поэтому вся система права должна с необходимостью выводиться из категорического императива. В противном случае, она вступала бы в противоречие с идеей автономии, обесценивала бы человека, что, по Канту, недопустимо. Ведь именно свобода придает человеку не просто цену, а достоинство, делая возможным для него быть целью самой по себе и невозможным дать ему эквивалент. Именно свобода, в конечном счете, является принципиальным отличием человека от животного¹³.

Другими словами, мы имеем дело не с заменой одного закона (морального) на другой (юридический). Закон остается одним и тем же. Речь идет всего лишь о разных способах принуждения к его исполнению. В первом случае (уровень моральности) это внутреннее принуждение, самопринуждение из уважения к закону. Во втором случае (уровень легальности) это принуждение внешнее, из страха перед санкциями за его неисполнение. Соответственно общность, довольствующаяся настойчивым призывом граждан к исполнению лишь юридических законов, является политической общностью. В ней люди изначально прибывают в этическом естественном состоянии. Необходимо же из этого состояния перейти к состоянию этической общности – общности, в которой главной целью является нравственное совершенствование. Впрочем, такая этическая общность (или царство Божие) есть лишь идея, для реализации которой человек должен прикладывать все силы, но воплощение которой без божественного восполнения невозможно¹⁴.

¹² См.: V-NR/Feyerabend. S. 1320.

¹³ См.: V-NR/Feyerabend. S. 1322.

¹⁴ См.: RGV. B 136 / A 128; Т. 6. Стр. 103.

Таким образом, хотя Кант и призывает к переходу от второго уровня (легальность) к первому (моральность), этот переход мыслится лишь как постоянный прогресс. Однако Кант говорит не только об этих двух уровнях реализации морального закона (а соответственно и свободы), но и о третьем, божественном, уровне (уровне святости). Если в первых двух случаях мы имеем дело с принуждением (внешним или внутренним), то здесь исчезает всякая императивность, так как у абсолютно благой воли объективные и субъективные основания воления совпадают. В этом смысле свят может быть только Бог¹⁵. Только божественная воля полностью лишена каких-либо склонностей, ограничивающих свободу. Для человека же такое состояние недостижимо.

Все эти три уровня в совокупности и представляют собой развернутую этико-религиозную систему Канта¹⁶, дающую ответ на вопрос о смысле жизни человека как разумного свободного существа, который, по Канту, должен заключаться в постоянном прогрессе, если и не к вершинам святости, то, по крайней мере, к подлинной добродетели.

¹⁵ См.: Religionslehre Poelitz. S. 1075; Religionsphilosophie Volckmann. S. 1185. Ср.: Danziger Rationaltheologie // AA. Bd. XXVIII. S. 1286.

¹⁶ В данном случае достаточно сложно согласиться с Н. Бердяевым, отнесшим этику Канта однозначно к этике законической (см.: Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // О назначении человека. М., 1993. Стр. 91). Скорее, напротив, при более внимательном рассмотрении мы можем проследить в философии Канта аналог не только этики закона, но и аналогии двух других видов этик, предлагаемых Бердяевым (этики искупления и этики творчества соответственно).